

Ольга
Шиленко

ЗАВЕТНЫЕ ДЕНЁЧКИ

* * *

Помирать собирайся, а хлебушко сей!
Мором шибко пугают, а ты не робей.
Будет время – с душою пойдём нараспашку.
Мир, что грязью пугал – порастёт весь ромашкой.

Обернутся святыми твои палачи.
А хулитель сверчком запоёт у печи.
Защитят небеса от свинца и глупца.
И увидишь, – твой терем светлее дворца.

* * *

Всё на родине красиво!
Даже песни серых жаб,
подзаборная крапива,
одувана дирижабль.

Всюду – счастье, всюду – диво.
С поволокой голубой
смотрит в душу око сливы,
кречет кличет в мир любовь.

Сколько лепета у Бога!
Сколько жителей в траве,
троп, как ног у осьминога,
рыб, – у речки в рукаве!

Всё на родине вкуснее:
и малина, и вода,
всё мудрее и добрее!..
Как вернуться мне туда?!

* * *

Запах кизячного дыма
 слаще вина на столе.
 Мечтаю. Под лунной дыней
 помешиваю в золе.
 С тёплой собакой Лютрой,
 вздыхающей на закат,
 жду, когда вспыхнут люстры
 громадных лишь здесь Плеяд.

Дымок, как голубенький шарфик,
 мне шею окутал, душа.
 Как жалко, родина, жалко,
 что здесь остаётся душа.

Уеду в столичную помпу
 и будто умру на года...
 ...если только не вспомню,
 что стих мой и жизнь – ерунда

без запаха этого дыма
 и синей воды на заре.
 Мечтаю.
 Под лунной дыней
 помешиваю в костре.

* * *

В наполненной водой кадучке
 лежала неба голубень.
 Скрипела хижина-старушка,
 бурлило море голубей.

Там на крыльце твои сандалии
 и туфли-лодочки мои
 всю ночь на якоре стояли,
 как у причала корабли.

Там бездны гулкие ворочал,
 дробя пространство, соловей,
 бил в наковальню звёздной ночи,
 свивал верёвки из ветвей.

Выкручивая быль и небыль,
 был великан тот мал и тощ.
 ...А в кадке спал клубочком неба
 вчерашний дикий, зверский дождь.

* * *

Висит над раскрытым окошком,
лёт чистые звёздные песни
прохладный Медвежий Ковшик
на задремавшие веси.

Ему улыбается лунник,
ему подставляется донник,
а ветер вихрастый и юный
запрыгнул на подоконник...

Он нежно листает тетрадки,
как будто стихи читает.
Ласкает тебя украдкой
и улетает...

Послушай, ну сколько можно
так глупо молчать и злиться?
Смотри, как светло и мощно
небо в окно струится.

Прохладный Медвежий Ковшик,
разные рыбы и звери.
Надо влезать в окошко,
если закрыты двери.

* * *

По ту сторону лета,
Куда нам уже не вернуться,
Там, где небо синее
За гаванью нашей вдали,
Мы остались с тобой,
Два счастливых и юных безумца,
Хотя нет уже той
Неподкупной и доброй земли.

Уходя, уходи,
Но стоишь ты опять на пороге
По ту сторону лета,
Где вихрь завывает в трубе.
Не простились ещё,
Но на сердце давно одиноко.
Не смирились ещё,
Но уже покорились судьбе.

* * *

Как дымно на земле, какой разлад!
Иных времён насилия и джуты.
В тебе жил Бог, ты был нам храмом, сад,
но превратился в каменные джунгли.

И вот душа, как океанский кит,
выбрасывается ночью с небоскрёба.
И пусть – мгновенье, но она летит
над этой огнедышащей утробой.

...Я через тыщу лет вернусь назад,
и здесь не будет мёртвого величья,
и обоймёт меня цветущий сад –
храм соловьёв, фазанов и синичек.

* * *

Арены, биржи... Не моя вина,
я не фанат Мамоны, драк и славы...
Всё потому, что с детства влюблена
в иные вещи: горы, море, травы.

Люблю луга, песок и валуны,
излучины рек, горбатые тропинки.
Люблю спокойный, ясный лик луны
и жизнь попроще, в чём-то по старинке.

...Ещё, быть может, домик лубяной,
где родилась и научилась мерить
людей не высотой, а глубиной –
по совести, по доброте, по вере.

* * *

Прощай, Иссык-Куль.
Колыбелька-подчонка, прощай!
Не знаю, смогу ль
позабыть заповедный свой край.
Остались кресты
на песчаном сыром берегу.
Пять русских фамилий
простых я в душе берегу.
Панфилов, Калинин,
Ильин, Свистунов.
Трофимов... Калина
алеет родная, как кровь.

Иваны да Марьи
да Катерины лежат,
Владимиры, Дарьи
и прадед Василий, кержак.
Глаза голубые
томил голубой Иссык-Куль.
Вы всё позабыли.
А я вот сумею ль, смогу ль?
Казачья станица.
Открытые ставни на юг.
О русские лица,
покой вам и вечный приют.
Алёши да Анны.
Кресты заросли коноплей.
Посёлок саманный
стал просто чужою землёй.

* * *

Не знаю. Не бывало.
Не припомню,
чтоб мой отец когда-нибудь накрыл
богатый стол, яств и напитков полный,
завёл счета себе и это скрыл.

Немыслимо, чтоб сундуки сокровищ,
дома на островах. Сады, дворец
и по-особому выращенный овощ
скрывал наш вечный мученик отец.

Он был упрямым. Он ваял и сеял.
Он изобрел станки – мастак простой.
И всё раздал. Прошёл и юг, и север
и долго жил.
И умер, как святой.

А жизнь идёт... И всё неплохо вроде.
Не верю я, как лютому врагу,
тому, что тля мы для отцов народа.
Мне легче думать: борзописцы лгут.

* * *

Поэзия – тонкое женское дело.
Я помню, как бабушка это умела.
Я помню на ризницах те рушники,
где пели на зорьке её петушки.

Красиво сушила шалфей и урюк,
широко порой открывала сундук
и шали цветные, как дали, дарила,
«На сопках Маньчжурии» вальсы крутила.

...Светло на погосте, красивая, спит,
вокруг Иссук-Куль синевою слепит,
изветренный камень лежит в изголовье...
А рядышком дети: Владимир с Прасковьей.

Склонились берёзы над вечным покоем,
все смотрят в глаза незабудок весною.
И чудится, это родные глаза –
ласкают мне душу. Как слёзы-роса.

РАДОСТЬ

Сколько было магии у судьбы и фокусов,
сколько повлюблили мы в себя парней!
А какие вырастили бархатцы и флоксы,
сколько повидали бурь мы и страстей.
А всё любо, любо. Мало нам и мало.
Всё чудим, танцуем и поём...
И уходим в дали, в память и туманы:
ищем чудо-чудное, ищем днём с огнём.
Изумруды летние, розовые россыпи.
Всё в цветах, обрызганных росой.
В долг возьмём у солнышка, улыбнёмся просини
и судьбы вращаем колесо.

БАЛЛАДА О ПОЕЗДЕ

Я шагала по шпалам. Я поезд ждала,
чтобы счёты с жизнью свести...
Вдруг в слезах и мольбах,
будто ангел светла,
повстречалась мне доля моя на пути.

Я за нищенку долю свою приняла
и колечко венчальное ей отдала –
всё одно умереть, – плащ сняла и часы...
глядь, а поезд ушёл, след виденья простыл.

Глядь, а в небе огромная встала луна
и такая вокруг световая волна,

будто храм мироздания в небе царит,
смотрит в душу мою, дивным светом горит.

Я за нищенку долю свою приняла,
а она мне небесный свой свет отдала.
Обтекает меня он бессмертной рекой...
И не надобно мне уже доли другой.

* * *

Разметало облако льняное
за рекой кудель свою в овсе.
А по лугу в лунное ночное
вышли кони, фыркающая в росе.

Белый конь, искупанный в зарнице,
чёрный конь – в туманном молоке,
подошли и опустили лица
в бездну звёзд, дрожащую в реке.

Тише. То не кони и не звери...
Это – белый день, а это – ночь.
И стоят у космоса в преддверье,
но войти в чертоги им невмочь.

Так и ты, смиренный Человече,
никогда в ту бездну не войдёшь.
Берегись... Кротка глазами Вечность,
только счастье там ты не найдёшь.

СОЗВЕЗДИЯ

А город гидрой подползает
к моим урюковым садам.
Горит созвездьями, не зная,
что я уйду.
За грош отдам
свой милый рай...
Всё кину грустно.
Упрямо гнёздышко совью
в другом сорочьем захолустье,
в другом урюковом раю.
Лишь звёзды будут неизменны.
Как хорошо, что далеки –
Престол сияющей Вселенной,
зыбун Космической Реки.

* * *

Не спалось. Луна. Пять ночи.
Дом тонул по окна в звёздах.
И глядели чьи-то очи
сквозь таинственные вёрсты.

Про блуждающую душу
вспомню бабушкину байку...
Жить у кладбища не нужно,
а живёшь, так слушай бабку.

Коль придёт к тебе покойник,
покажи ему распятыё,
И читай себе спокойно
староверское заклатьяё...

Бабка, я не верю в байки
про блуждающие души,
у меня коты, собаки,
спеют яблоки и груши.

Просыпаюсь белой ночью...
Дом стоит средь звёзд, как цапля.
Светят ангельские очи,
и не страшно мне ни капли.

* * *

Вот яблоня роняет в речку яблоки.
Плывут они – зелёные кораблики
туда, где нет собак, что в космос брешут,
туда, где нет раскидистых орешин,
и Бога нет... А здесь он близко-близко.
Вон пятка Божья... так зависла низко,
что сливу гнёт. И падает мне плод
почти в компот.
...Однажды шла среди огней по городу,
где умерли друзья, враги, мечты.
И даже осени прозрачной золото
пожухло всё. Стоял лишь горький дым.
Я шла к себе...

* * *

У чёрта на куличках,
Что хвалят кулики,
Есть с колдовской водичкой
Живые родники.

Порой мне удастся,
Чего греха таить,
В край яростного солнца
Уехать и испить
Воды той родниковой,
Волшебных пузырьков.
И юной девой снова
Парить вдоль берегов.
В хрустальное царь-озеро
Царь-рыбой уходить,
И плыть до самой осени,
И Божий мир любить.
И лишь когда беспечные
Вдаль позовут века,
Я к вам вернусь из Вечности
Туда, где дым-река –
Железная, рычащая...
О город, мой Бедлам!
Я здесь не настоящая,
Душа осталась
Там...

* * *

Помни меня, не забудь –
в этот вечер мне кажется,
нам хорошо и тепло, мы – два звёздных костра.
Дни пролетают. И осень ещё покуражится
возле лиц наших чистых, как футурист у холста.

Помни меня. Не забудь.
Под зелёной звездой
помни меня. И поверь и пойми навсегда,
что моя верность и жизнь у тебя на ладони.
Только люби – ничего мне не страшно тогда.

